

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1. Парфе.....</i>	<i>5</i>
<i>Глава 2. В траве</i>	<i>28</i>
<i>Глава 3. Спокойной ночи</i>	<i>65</i>
<i>Глава 4. Радостный трепет</i>	<i>97</i>
<i>Глава 5. Королевство уходящего лета.....</i>	<i>120</i>
<i>Глава 6. Башня до небес</i>	<i>152</i>
<i>Глава 7. Тишина</i>	<i>181</i>
<i>Глава 8. Водоросли</i>	<i>199</i>
<i>Глава 9. Виноград</i>	<i>219</i>
<i>Глава 10. Ртутный термометр</i>	<i>253</i>

ПАРФЕ

Минами тогда было семь.

Она была застенчивым ребенком и постоянно складывала оригами своими тонкими пальчиками. Чего она только не мастерила! Музыкальные инструменты, цветы, попугаев, посуду... Все свои бесчисленные бумажные поделки дочка аккуратно складывала в коробочку, помеченную листком цветной бумаги.

Когда у меня появилась Минами, я и сама была еще совсем юной — ей исполнилось семь, а мне не было и тридцати, так что порой, признаюсь, дочка казалась мне помехой. Но после каждого такого приступа неприязни сердце болезненно колело, и я обнимала Минами особенно крепко. Возможно, это чувство отторжения

появлялось из-за того, что детская податливость малышки накладывалась на мою собственную молодость.

Когда я обнимала Минами, она всегда стояла неподвижно и молчала. Впрочем, в ранние годы она в целом была чрезвычайно молчалива.

Тогда я была влюблена.

Что это была за любовь?.. Влюбилась я в мужчину по фамилии Нисино, который был заметно старше меня.

Впервые оказавшись в его объятьях, я была так же безмолвна, как Минами. Тогда я даже не думала, что между нами возникнут какие-то чувства, — я просто молча наслаждалась его теплом. С каждой нашей встречей я все больше привязывалась к Нисино, но сам он, кажется, никак не менялся.

Что же такое «любовь»? Каждый может влюбиться в кого-то, но никто не обязан полюбить в ответ. Да, я полюбила Нисино, но это вовсе не означает, что он непременно ответит на мои чувства. Разумеется, я прекрасно это понимала, но мне все равно было больно осознавать, что любимый мужчина едва ли будет любить меня так же сильно, как я его. Однако эта боль лишь усиливала мои чувства к нему.

Как-то раз Нисино позвонил мне, когда муж был дома. Супруг протянул мне трубку, лишь едва слышно прошептав, что звонят из страховой компании.

Все время телефонного разговора я отвечала тихо и кратко: «Да», «Хорошо», «Нет», «Поняла» и прочее. Нисино на том конце провода усиленно притворялся страховым агентом, тем не менее порой нарочно вставляя фразочки вроде «Хочу обнять тебя прямо сейчас», а я слушала его и с сомнением думала, что, возможно, на самом деле не так уж и люблю этого мужчину.

Муж в это время сидел рядом со мной и тихо просматривал документы. Возможно, супруг все уже знал, а возможно, не знал ничего. За все три года, что прошли с момента первой встречи с Нисино, муж так ничего и не спросил, хотя мои отношения на стороне успели пройти уже несколько стадий: я влюбилась, любовник начал от меня постепенно отдаляться, а в итоге мы перестали даже созваниваться.

Глядя на затылок супруга, я раз за разом повторяла свои короткие ответы: «Да», «Хорошо», «Понимаю». Через несколько минут разговора Нисино внезапно повесил трубку. Вызов всегда завершал именно он. Возможно, Нисино мне и не нравился, но я была в него влюблена.

Иногда я ходила на свидания с любовником вместе с Минами. Нисино сам попросил взять дочку с собой.

— Дочка — это здорово, — частенько говорил он.

Сам Нисино женат не был, хотя тогда ему было уже, пожалуй, за сорок. Мужчина был лет на семь старше моего мужа, но от него не исходило того холодного спокойствия, каким мог похвастаться мой супруг. Нисино, как мне показалось, всегда был одним из тех, кто так никогда и не адаптируется к социальной жизни, но, несмотря на это, работником он оказался способным — на его визитке, к моему удивлению, значилась весьма высокая должность.

Нисино всегда приносил маленькие подарки для Минами.

— Давай, открой, — говорил мужчина, и дочка молча раскрывала сверток, развязывая красную ленточку своими тонкими пальчиками.

Изящная подставка под кисти, украшенная ракушкой. Пресс для бумаги в виде собачки. Посыпанная маком булочка. Небольшая музыкальная шкатулка, легко помещающаяся в ладонь. Минами рассматривала эти его подарки без особых эмоций, но обязательно благодарила Нисино легким поклоном.

— Большое спасибо, — тихо говорила она, коротко кланяясь.

Минами никогда не спрашивала меня о Нисино. Я просто вела ее за руку, и дочка молча шагала рядом, как тень. Боялась ли я, что малышка однажды расскажет мужу о моем романе на стороне? Или все-таки где-то в глубине души надеялась, что Минами с обычной детской легкостью как-нибудь случайно разболтает отцу мой секрет?

Когда я приходила на свидание вместе с дочерью, мы с Нисино не уединялись. Вместо этого мы шли в ресторан с террасой, и раньше, чем Минами вообще успевала открыть рот,

мужчина заказывал ей клубничное парфе, а нам — по чашке горячего кофе. Если же для клубники был не сезон, парфе у Минами было банановым.

— Шоколадное парфе брать не будем, — решил Нисино, странно растягивая название десерта, и дочка неопределенно кивнула.

Кивнула и я и, посмотрев на Минами, обнаружила, что она тоже смотрит на меня. Малышка смотрела пристально, и белки ее круглых глаз ярко белели, подчеркивая радужку. Я чуть приподняла брови, и Минами, едва заметно улыбнувшись, сделала то же самое.

Парфе дочка никогда не доедала, но Нисино все равно каждый раз заказывал его — то клубничное, то банановое.

— Так, а Минами возьмем парфе, — говорил он несколько более высоким, чем обычно, голосом, глядя на смотревшую в пол девочку.

После ресторана мы втроем обязательно несколько раз проходили туда и обратно по парковой дорожке. Потом сразу же отправлялись на станцию и расставались у турникетов. Билеты — один взрослый и один детский — покупал Нисино, а потом передавал их каждой из нас, вкладывая бумажку в ладонь.

Когда я, уже пройдя турникет, оборачивалась, мужчина всегда стоял и махал нам рукой. Минами никогда не оглядывалась, сразу направляясь прямо к лестнице, — но Нисино обязательно махал и ей. Он махал и мне, и дочке, и даже, кажется, самому пространству, разделявшему нас.

— Мам, а странный он был, этот Нисино, не думаешь? — сказала Минами как-то весной, в тот год, когда ей исполнилось пятнадцать лет.

Последнее свидание с Нисино было зимой. Той зимой мы и расстались. Минами было десять. Я не стала объяснять дочери, что встреч с этим мужчиной больше не будет, но она, кажется, и сама все поняла — про Нисино Минами больше ни разу не упоминала.

Кстати, а ведь Минами научилась громко смеяться именно благодаря нескольким встречам с Нисино. Правда, заметив, что я смотрю, дочь смеяться переставала, будто вдруг чего-то смущалась, а потом она обязательно несколько раз тихонько чихала.

Той весной, когда Минами исполнилось пятнадцать, о Нисино я уже почти не вспоминала, но после ее внезапного вопроса в моей душе что-то шевельнулось. Впервые за долгое время внутри возникла такая пустота, словно в животе вдруг появилась дыра, через которую высало весь воздух.

— Мам, а вы с Нисино любили друг друга, да? — спросила Минами, пристально глядя прямо мне в глаза.

Если подумать, то я и сама не знаю. Впрочем, я не могла определиться даже тогда, когда мы встречались. Сейчас же я вообще не понимала, правда ли любила его, были ли между нами какие-то чувства, — я, кажется, начала сомневаться даже в том, что Нисино вообще существовал.

— Знаешь, когда Нисино называл меня по имени, у меня было такое же ощущение, как от пятна масляной краски, которое никак не отмоешь, — пробормотала дочь своим певучим голосом.

Примерно за год до этого Минами начала заметно вытягиваться — ее руки и ноги становились все длиннее, тело наполнялось новыми клетками. Обновление происходило так быстро, что мне даже казалось, будто весь ее организм

за несколько дней успевал полностью поменяться.

— После каждой встречи меня никак не покидало ощущение его присутствия... Я прямо не знала, что делать!

— Ощущение присутствия?

— Такое, знаешь, приторное, но горьковатое... Ностальгическое, что ли...

— Минами, — сказала я, подражая манере речи Нисино, — как ты смотришь на то, чтобы сходить поесть парфе? Давно его не брали.

Дочь рассмеялась.

— Интересно, как он там?..

— Да что с ним делается-то!

— А пресс в виде собачки мне понравился...

Даже после того, как мы с Нисино расстались, Минами бережно хранила его подарок — серебряное пресс-папье в виде собаки — и постоянно им пользовалась. Она даже дала безделушке имя, как настоящему питомцу, и временами полировала вещицу специальным порошком.

— И булочка с маком была вкусная...

Нисино действительно умел выбирать подарки. Однажды он сделал подарок и мне — это был маленький серебряный колокольчик. Если его потрясти, он нежно звенел.

— Носи его постоянно, — с улыбкой сказал тогда Нисино. — Тогда я в любой момент смогу узнать, где ты.

— Ну узнаешь — а дальше что? Сбежишь, что ли? Как мышь, которая пыталась нацепить колокольчик на кошку, — помнится, спросила я.

— Зачем же? Так я смогу тебя поймать — и ты уже никуда от меня не сбежишь, Нацуми. Я буду точно знать, где ты, и ни за что не отпущу.

От его слов я слегка покраснела.

На следующую нашу встречу я пришла с тем самым колокольчиком. Я повесила его на цепочку и надела на руку, как браслет, а потому и в постели он все время позвякивал. Нисино снова сказал, что не даст мне уйти.

Интересно, куда этот колокольчик делся?.. Воспоминания об объятьях Нисино вызвали легкое чувство ностальгии, но даже так я не смогла воскресить в памяти любовь к нему.

— Знаешь, а Нисино говорил, что хотел бы сходить с тобой на свидание, когда ты вырастешь, — сказала я, на что Минами выкрикнула:

— Ну что за бред!

— Такой уж он человек, что ж поделаться...

— Не удивлюсь, если он тот еще мерзавец!

— Да просто избалованный.

— Вот идиот-то...

Минами едва ли могла это заметить, но ее голос звучал ласково, даже приторно.

— Слушай, Минами, а тебе какой-нибудь мальчик нравится?

— Нет, — рефлексивно ответила дочь и встала.

С выражением какого-то отторжения на лице она большими шагами поднялась по лестнице, пропуская ступеньки, и хлопнула дверью комнаты.

Интересно, каким Минами тогда видела Нисино?.. От дочери, быстро шагавшей по лестнице, исходил приторный подростковый запах. Мне вдруг впервые за долгое время захотелось услышать голос Нисино. Я вновь почувствовала неприязнь к Минами, которая и напомнила мне о прежнем любовнике. Правда, это чувство заметно отличалось от той неприязни, что я чувствовала, когда дочке было семь.

Минами исполнилось двадцать пять.

Насколько я знаю, она успела несколько раз побывать в отношениях, но дочь никогда ничего мне не рассказывала. Минами влюблялась и расставалась так же молча, как когда-то в детстве складывала оригами.

С Нисино я рассталась уже пятнадцать лет назад. Только теперь я научилась спокойно вспоминать о нем.

В последнее время в моей памяти стали особенно часто всплывать его голос, фигура и слова. Я вспоминала его так часто, словно он все еще был со мной. Пожалуй, даже слишком часто. Я стала даже напоминать себе, что мужчины, может быть, уже и в живых-то нет.

К слову, сам он то и дело выдавал что-нибудь вроде: «Когда я умру...» — но говорил это с обычной, слегка приторной интонацией.

А теперь Минами примерно столько же, сколько было мне самой, когда мы с Нисино начали

встречаться. До сих пор временами удивляюсь, какой взрослой стала моя дочка.

Нисино временами говорил, что на самом деле хотел бы жениться.

— Ну и что же тебе мешает осуществить твое желание? — отвечала я, на что он спрашивал:

— А ты за меня выйдешь, Нацуми?

Я знала, что он шутит, а потому всегда отрицательно качала головой.

— Ну как так-то! — с притворной досадой весело говорил Нисино, отчего в моей груди что-то сжималось.

Впрочем, вокруг него всегда вилось множество женщин, так что он вполне мог позволить себе подобные жестокие шутки.

— Знаешь, Нацуми, — сказал он как-то, — когда я буду умирать, я приду к тебе.

— Что?

— Просто хочу, чтобы именно ты смотрела на меня в мои последние минуты.

— Да ты это, наверное, всем говоришь, — отмахнулась я, но мужчина с неожиданной серьезностью ответил:

— Ничего подобного.

— Мам, — позвала меня Минами, — в саду кто-то есть!

Сегодня еще только пятница, но Минами взяла оплачиваемый отпуск и с самого утра была дома. Вообще, она довольно часто без особой причины пропускала работу.

— Что такое? — спросила я, но дочь лишь молча улыбнулась.

«Нисино», — подсказала мне интуиция.

По всей кухне разнесся сладковатый аромат тушеной тыквы, которую я как раз начала готовить. Громко жужжал старый холодильник.

Все так же стоя перед раковиной, я попросила:

— Минами, сходи посмотри, пожалуйста.

Я услышала, как со стуком открылась дверь в сад. Через некоторое время по камням дорожки застучали деревянные сандалии. Потом шаги остановились. Трава зашуршала под порывом ветра. После этого, кажется, пропали вообще все звуки.

— Мам, подойди сюда, — позвала из сада Минами.